

Философические упражнения кн. В. Н. Тенишева в «Вестнике Европы» [Рец. на: *В. Н. Тенишев*. Опыт, как источник знания, и новейшая новейшая классификация наук] // Богословский вестник 1900. Т. 2. № 7. С. 435–451 (2-я пагин.).

Философическія упражненія кн. В. Н. Тенишева въ „Вѣстникъ Европы“.

Какъ извѣстно, въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ за послѣднія десятилѣтія пробудился довольно сильный интересъ къ философіи. Соответственно этому, увеличился спросъ на философское чтеніе. Естественно, что помимо спеціально-философскихъ изданій, и общая печать стала время отъ времени давать своимъ читателямъ философскія статьи и даже иногда цѣлыя изслѣдованія. И надо сказать правду,—большинство нашихъ толстыхъ журналовъ,—Московскихъ и Петербургскихъ,—въ общемъ довольно удачно идутъ навстрѣчу этой пробудившейся умственной потребности, даютъ философское чтеніе достаточно общедоступное, но все-же не лишенное и извѣстной доли научной серьезности. Нѣтъ нужды говорить, что только такая постановка дѣла и можетъ дѣйствительно способствовать умственному развитію общества. Но усиленный спросъ вызываетъ и усиленное предложеніе. Не удивительно поэтому, что на книжномъ рынкѣ стали нерѣдко появляться не только посредственные, но и прямо такі невозможныя „философскія“ произведенія, отличающіяся сколько вздорностью своего содержанія, столько-же и претенціозностью своихъ заглавій—въ родѣ „Кристалловъ духа“, „Философіи сознанія бытія безконечнаго“ и т. п. На страницы солидныхъ журналовъ такія произведенія проникали однако сравнительно очень рѣдко. Тѣмъ страннѣе поэтому встрѣтиться съ подобнаго рода „литературой“ на страницахъ такого во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго и передоваго журнала, какъ „Вѣстникъ Европы“, въ числѣ сотрудинокъ котораго встрѣчаются

имена нашихъ лучшихъ литераторовъ, ученыхъ и мыслителей. Мы имѣемъ въ виду напечатанную въ апрѣльской книжкѣ названнаго журнала за нынѣшній годъ статью князя В. Н. Тенишева подъ заглавіемъ: „Опытъ, какъ источникъ знанія, и повѣйшая классификація наукъ“ (Вѣстн. Евр. 1900, IV, стр. 567—584). Статья эта не остановила бы на себѣ ни нашего, да думаемъ — и ничьего другого вниманія, если-бы она вышла отдѣльнымъ изданіемъ или-бы появилась не въ столь солидномъ органѣ. Но видѣть ее въ журналѣ помѣщавшемъ и помѣщающемъ у себя философскія статьи, напримѣръ, Вл. С. Соловьева, — нѣсколько изумительно. Невольно задаешься вопросами: неужели редація считаетъ возможнымъ преподносить читателямъ такія вещи? Неужели она такого невысокаго мнѣнія о вкусахъ и уметвенныхъ запросахъ своихъ читателей? Неужели она полагаетъ, что подобными статьями служить дѣлу духовнаго развитія русскаго общества?... Намъ хотѣлось-бы думать, что появленіе въ „Вѣстникѣ Европы“ статьи кн. Тенишева есть дѣло какого-либо недоразумѣнія;—иначе пришлось-бы усумниться въ самомъ пониманіи нашей журналистикой своихъ истинныхъ просвѣтительныхъ задачъ, а такое сомнѣніе—очень тяжело...

Но обратимся къ самому очерку кн. Тенишева.

Судя по темѣ, читатель могъ бы ожидать, что авторъ будетъ обсуждать гносеологическую проблему (напр., споръ эмпиризма и апріоризма) и вопросъ объ іерархіи наукъ, или дастъ трактатъ по методологін опытнаго знанія. Но уже самое начало статьи даетъ видѣть, что авторъ подъ опытомъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ ожидаетъ читатель, — во всякомъ случаѣ, не то, что принято называть опытомъ въ психологическихъ трактатахъ о происхожденіи и основахъ человѣческаго познанія, и не орудіе научнаго познанія. „Всѣми безъ различія, пишетъ онъ, признается за аксіому, а именно (sic!), что воспитаніе, обученіе, собственный опытъ, разныя положенія въ жизни и состоянія, въ которыхъ намъ приходится находиться, внушенія другихъ, чтеніе книгъ, слушаніе лекцій, театральныя зрѣлища и т. п.—все это болѣе или менѣе оказываетъ на насъ вліяніе, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько это вліяніе захватываетъ потребности нашей индивидуальной жизни и жизни въ обществѣ“

(стр. 567). Повидимому, эта тирада должна показать читателю, что авторъ разумѣетъ подъ „опытомъ“. Но, къ сожалѣнію, она изложена настолько невразумительно, что мысль автора остается для насъ совершенно неясной. Авторъ здѣсь упоминаетъ опытъ въ числѣ другихъ факторовъ, вліяющихъ на человѣка (воспитаніе, обученіе, жизненные положенія, театральныя зрѣлища и пр.); слѣдовательно, онъ какимъ-то образомъ отличаетъ опытъ отъ всѣхъ этихъ факторовъ. Но въ чемъ заключается это отличіе, мы не видимъ, да и затрудняемся догадаться, потому что нѣкоторые изъ указанныхъ авторомъ факторовъ (напр., „разныя положенія въ жизни и состоянія, въ которыхъ намъ приходится находиться“) несомнѣнно входятъ въ составъ „собственного опыта“, равно какъ и многія составныя части послѣдняго несомнѣнно могутъ быть подразумѣваемы въ употребленномъ авторомъ выраженіи — „и тому подобное“. Что-же тогда остается понимать подъ опытомъ, который долженъ чѣмъ-то отличаться отъ всѣхъ этихъ вещей? — Приходится искать этихъ разъясненій уже въ дальнѣйшемъ изложеніи. А теперь пока еще одно замѣчаніе о приведенной выдержкѣ. Мы назвали ее невразумительной и затемняющей мысль автора. Дѣйствительно, онъ утверждаетъ, что всѣ указанные имъ факторы оказываютъ на насъ вліяніе „въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько это вліяніе захватываетъ потребности нашей индивидуальной жизни и жизни въ обществѣ“. Что-же это значитъ? Какимъ образомъ размѣръ и характеръ вліянія, только еще возникающаго, могутъ опредѣляться имъ-же самимъ, или, — говоря словами автора, — „соотвѣтствовать тому, насколько это вліяніе захватываетъ etc“? Вѣдь всякое вновь возникающее явленіе можетъ соотвѣтствовать только чему-либо данному помимо и прежде него, а не себѣ самому и своимъ отношеніямъ къ другимъ вещамъ;—иначе пришлось-бы допустить, что оно и его отношенія къ разнымъ предметамъ существуютъ раньше, чѣмъ оно возникло. Авторъ совершенно не замѣтилъ этой несообразности; но какъ-же быть его читателямъ? — какъ имъ понимать его? Такимъ образомъ, уже самыя первыя строки очерка ставятъ читателя въ тупикъ и, вмѣсто того, чтобы дать ему руководящую нить къ пониманію дальнѣйшаго изложенія, только заставляютъ теряться въ недоумѣніяхъ.

Но допустимъ, что въ этомъ непонятномъ вступленіи кн. Тенишева мы имѣемъ дѣло только съ погрѣшностями его стилистики, и поищемъ въ дальнѣйшемъ выясненія его взгляда на опытъ.

Здѣсь наши ожиданія, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ оправдываются: авторъ предлагаетъ нѣсколько „примѣровъ пріобрѣтенія нами различныхъ знаній“ (стр. 267—273). И мы по этимъ примѣрамъ въ правѣ судить, что онъ разумѣетъ подъ „опытомъ, какъ источникомъ знанія“. Познакомимся съ этими примѣрами. „Опоздавъ въ первый разъ (на?) пять минутъ въ концертъ, — пишетъ онъ, — нахожу входную дверь запертою, — надо ждать конца исполненія перваго музыкальнаго нумера. Въ слѣдующій разъ пріѣзжаю за нѣсколько минутъ до начала; я уже знаю, чему буду подвергнутъ, если опоздаю. Практика жизни научаетъ насъ такимъ образомъ соблюдать правила приличія и установленный порядокъ, подъ страхомъ быть наказаннымъ въ случаѣ ихъ нарушенія“ (стр. 567—568). Изъ этого примѣра видно, что авторъ имѣетъ въ виду не опытъ въ гносеологическомъ смыслѣ этого слова и не опытъ, какъ орудіе научнаго познанія, а просто такъ называемый „жизненный опытъ“. Признаемся,—мы раньше никакъ не предполагали, что практика свѣтской жизни можетъ имѣть философское значеніе. Теперь же, благодаря кн. Тенишеву, мы уже знаемъ, что и знатоковъ свѣтскихъ приличій слѣдуетъ считать послѣдователями философскаго эмпиризма...

Но посмотримъ другіе примѣры. „Игрокъ, послѣ подрядъ испытанныхъ неудачъ, въ то время, когда къ нему подсаживается такой-то господинъ, наконецъ обращается къ нему съ просьбой держать себя поодаль отъ его стула. Онъ знаетъ, что приближеніе этого господина влечетъ, будто-бы, за собой неминуемый проигрышъ. И въ извѣстномъ кругу такой поступокъ не только не считаютъ лишеннымъ основанія но, обыкновенно, присаживаясь къ играющему, спрашиваютъ на это разрѣшеніе“ (стр. 568). Оказывается, что и суетѣрный картежникъ—тоже эмпирикъ... Недаромъ говорятъ, что философовъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Приведенный примѣръ любопытенъ и еще въ одномъ отношеніи. Авторъ этимъ примѣромъ ясно показываетъ, что онъ имѣетъ въ виду опытъ, не какъ источникъ

достовернаго знанія, а только какъ основу субъективнаго убѣжденія: употребляя терминологию древнихъ философовъ, мы можемъ сказать, что „опытъ“ кн. Тенишева есть источникъ не „знанія (*ἐπιστήμη*)“, а „мнѣнія (*δόξα*)“. Проповѣдь такого „опыта“ есть наивный эмпиризмъ, или *empirismus vulgaris*, не имѣющій ровно никакой ни философской, ни научной цѣнности.

Третьи примѣръ нѣсколько удачнѣе предшествующихъ. „Ребенокъ взялся за стекло только что потушенной имъ лампы и обжегъ себѣ пальцы. Въ слѣдующій разъ, потушивъ лампу, онъ уже ждетъ, пока стекло остынетъ; онъ теперь *знаетъ*, что нельзя тотчасъ хватать его“ (*ibid*). Не ясно только въ этомъ примѣрѣ, почему ребенокъ послѣ опыта рѣшается ждать, пока стекло остынетъ, а не просто беретъ себѣ за правило никогда не хватать стекла потушенной лампы. Последнее было-бы болѣе сообразно съ дѣтской психологіей. А указанный опытъ нисколько не оправдываетъ рѣшенія, рекомендуемаго авторомъ. Любопытно въ этомъ примѣрѣ, равно какъ и въ предшествующихъ, что опытъ у автора служитъ не столько источникомъ знанія въ чистомъ видѣ, сколько руководителемъ поведения. Это невольно наводитъ на мысль, не по ошибкѣ-ли авторъ озаглавилъ свой очеркъ: „Опытъ, какъ источникъ знанія“... Не точнѣе-ли было-бы озаглавить: „Житейскій опытъ, какъ руководитель поведения“? Тогда статья не претендовала-бы явно на значеніе философской работы, и тема ея, хотя и была-бы до крайности банальной, все-таки болѣе соответствовала-бы содержанию,—по крайней мѣрѣ, доселѣ разсмотрѣнному.

Четвертый примѣръ приводитъ насъ въ большое недоумѣніе. „Изъ курса физики я узналъ, пишетъ авторъ, что свѣтъ пролетаетъ пространство почти съ неизмѣримой (?) быстротой, тогда какъ звукъ передается несравненно тише (?), проходя всего около 158 сажень въ секунду. Счетомъ секундъ, отъ момента, когда мелькнула молнія, до момента, когда слышался громъ, я, умножая 158 на число секундъ, опредѣляю разстояніе, въ которомъ отъ меня находится гроза; я пользуюсь монимъ *знаніемъ*, чтобы своевременно отъ нея укрыться“ (*ibid*). Да развѣ, спросимъ мы, это опытъ, когда человекъ узналъ что-нибудь изъ учебника? Вѣдь онъ могъ свѣдѣнія

учебника принять просто на вѣру, не провѣряя ихъ опытомъ, да во многихъ случаяхъ такъ и бываетъ. Почему-же авторъ называетъ это опытомъ? Почему-бы тогда не назвать опытными и знаніи почерпнутыхъ изъ курса догматическаго богословія?... Замѣтимъ кстати, что жизненно-практическій интересъ знанія кн. Тенишевъ сохраняетъ и въ этомъ примѣрѣ.

Доселѣ, слѣдуя за авторомъ шагъ за шагомъ, мы еще не видимъ въ его очеркѣ никакой серьезной научно-философской мысли, а встрѣчаемся только съ образцами довольно простодушнаго балагурства, повергающаго читателя въ недоумѣніе насчетъ того, какое отношеніе все это имѣетъ къ темѣ автора. Это недоумѣніе еще болѣе возрастаетъ при чтеніи дальнѣйшихъ примѣровъ, которые, правда, понемногу получаютъ уже философскій характеръ, но зато прямо поражаютъ курьезностью своихъ выводовъ, такъ что невольно является даже сомнѣніе,—не мистифицируютъ-ли кн. Тенишевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и „Вѣстникъ Европы“ своихъ читателей, предлагая имъ подобныя вещи подъ видомъ серьезнаго философскаго чтенія.

Пятый примѣръ: „Я прочелъ, говоритъ авторъ, двѣ книги. Въ одной говорится, что для государства необходима протекціонная система, т. е. высокія пошлины на ввозимые товары, для преуспѣянія отечественной промышленности, а въ другой книгѣ, наоборотъ, проповѣдываютъ снятіе всякихъ пошлинъ, послѣдствіемъ чего будетъ общее благоденствіе отъ значительнаго удешевленія нужныхъ предметовъ“.... Пусть читатель остановится на этомъ мѣстѣ и попытается угадать, какое употребленіе дѣлаетъ авторъ изъ своего чтенія; мы почти готовы ручаться, что читатель этого не угадаетъ;—онъ подумаетъ, что авторъ путемъ сличенія протекціонистской и фритредерской аргументаціи уяснить для себя вопросъ о свободѣ торговли;—онъ можетъ предположить, что изученіе вопроса о свободѣ торговли натолкнетъ автора на размышленія о болѣе общихъ и глубокихъ основахъ экономической жизни; можетъ онъ подумать и еще кое-что въ этомъ родѣ, но все это будетъ далеко отъ истины. Кн. Тенишевъ дѣлаетъ изъ своего чтенія экономическихъ книгъ болѣе простое и неожиданное употребленіе: „зная, содержаніе этихъ двухъ книгъ, говоритъ онъ, я буду

въ бесѣдѣ, при удобномъ случаѣ, цитировать то, что въ нихъ сказано, и этимъ выкажу свои познанія“ (ibid.)! Вотъ ужъ дѣйствительно неприкрашенный житейскій „опытъ“!— Зачѣмъ углубляться въ размышленія надъ прочитаннымъ? Зачѣмъ утруждать свою голову рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ? Зачѣмъ знать истину?... Гораздо важнѣе „знать содержаніе двухъ прочитанныхъ книгъ“, чтобы въ свѣтской бесѣдѣ, „при удобномъ случаѣ цитировать то, что въ нихъ сказано и этимъ выказывать свои познанія“... Въ сравненіи съ такимъ упрощеннымъ „эмпиризмомъ“ даже „счастливый талантъ“ Евгенія Онѣгина—

„Безъ принужденія въ разговорѣ

„Коснуться до всего слегка“—

остается далеко позади, потому что Онѣгинъ не только „читалъ Адама Смита“, но и

„... умѣлъ судить о томъ,

„Какъ государство богатѣетъ,

„И чѣмъ житье, и почему

„Не нужно золота ему,

„Когда простой продуктъ имѣетъ“.

А кн. Тенишевъ считаетъ даже излишнимъ и сужденіе-то себѣ выработать. Едва-ли нужно прибавлять, что чтеніе двухъ книгъ по политической экономіи не составляетъ ни въ какомъ смыслѣ „опыта“. А что это чтеніе само по себѣ не служитъ „источникомъ знанія“, въ этомъ сознается и самъ авторъ, который, вслѣдъ за приведеннымъ примѣромъ, прибавляетъ: „самый-же вопросъ, чему отдать предпочтеніе—протекціонизму или свободному обмѣну—останется еще неразрѣшеннымъ“ (ibid.). Спрашивается: какое-же отношеніе подобный примѣръ можетъ имѣть къ темъ „Опытъ, какъ источникъ знанія“?...

Еще интереснѣе по курьезности своего вывода шестой примѣръ, уже вполне философскаго характера. „Вернувшись съ лекціи о Кантѣ, говоритъ авторъ, слушатель особенно остался подъ вліяніемъ слѣдующихъ изреченій знаменитаго профессора: „„Вопросъ о человѣческомъ знаніи раздѣлялъ философовъ на два противоположныхъ лагеря: одни полагали, что знаніе всецѣло опредѣляется опытомъ..... другіе-же были того мнѣнія, что отъ ощущенія зависитъ только часть нашего знанія..... Изученіе собственнаго со-

знанія привело Канта къ заключенію..... и т. д.“ (слѣдуетъ длинная выписка изъ „Исторіи философіи“ Льюиса въ русск. перев., стр. 545 — 550). Лекція *внушила* слушателю такую мысль, что онъ сталъ (sic) смотрѣть свысока на кропотливые труды экспериментатора, неизбѣжно, значить, впадающаго въ ошибки, тогда какъ только въ апіорныхъ идеяхъ и законахъ ума заключенъ принципъ достовѣрности“ (стр. 568—570). Здѣсь насъ прежде всего удивляетъ самое построеніе примѣра. Авторъ выдумываетъ „знаменитаго“ профессора, будто бы способнаго прочесть лекцію о Кантѣ по Льюису. Надо совершенно не знать Льюиса и тенденціи, которая проходитъ чрезъ его „Исторію философіи“, чтобы приписать „знаменитому“ профессору такую ненаучную постановку лекціи. Но это наше удивленіе совершенно блѣднѣетъ предъ тѣмъ поистиннѣ невыразимымъ изумленіемъ, въ какое насъ повергаетъ выводъ изъ лекціи, сдѣланный предполагаемымъ „слушателемъ“ кн. Тенишева. Несомнѣнно, что этотъ слушатель ничего не понялъ въ слушаемой имъ лекціи, ибо болѣе нелѣпаго впечатлѣнія отъ изложенія Кантовскихъ воззрѣній нельзя и получить. Ученіе Канта располагаетъ „смотрѣть свысока на кропотливые труды экспериментатора“.... Можетъ-ли подобный вздоръ придти въ голову хоть кому-либо, кто—не говоримъ уже читалъ Канта, а хотя бы со смысломъ прочелъ цитируемая кн. Тенишевымъ страницы Льюиса?! Вѣдь именно Кантъ училъ, что наше достовѣрное познаніе ограничивается сферою научнаго опыта. Вѣдь именно Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ доказывалъ, что математика и физика (въ широкомъ смыслѣ,—какъ естествознаніе вообще) вполне возможны, какъ науки, дающія намъ достовѣрное знаніе, а метафизика, какъ ученіе о сверхъшютномъ, — невозможна. Какъ-же послѣ того утверждать, что съ точки зрѣнія Канта экспериментаторъ „неизбѣжно впадаетъ въ ошибки“? По Канту, совсѣмъ наоборотъ,—экспериментаторъ-то и не рискуетъ ошибиться, если только онъ работаетъ въ согласіи съ общими логически необходимыми началами и руководящими принципами естествознанія. Авторъ утверждаетъ, будто по Канту „только въ апіорныхъ идеяхъ и законахъ ума заключенъ принципъ достовѣрности“. Что касается идей, то это—онять чистѣйшій вздоръ: Кантъ именно училъ, что

то предметахъ соотвѣтствующихъ идеямъ мы имѣемъ только проблематическое представленіе, а не знаніе, что познаніе чрезъ идеи есть „трансцендентальная иллюзія“. Сказанное же относительно „законовъ ума“—вѣрно; но законы-то эти, по Канту, имѣютъ приложеніе только въ сферѣ опыта и сообщаютъ послѣдному научную достовѣрность. А разъ на ихъ основаніи человекъ вздумаетъ выйти за предѣлы опыта онъ опять впадаетъ въ „трансцендентальную иллюзію“, какъ и при познаніи чрезъ идеи разума. Вообще, примѣръ вліянія лекціи о Кантѣ является верхомъ курьеза.

Но этотъ примѣръ, курьезенъ не только *an und für sich*. Не менѣе странно и его отношеніе къ основной мысли автора. Во-первыхъ, описываемый случай, подобно другимъ примѣрамъ, не представляетъ изъ себя ни въ какомъ смыслѣ „опыта“. Во-вторыхъ, выводъ изъ этого примѣра авторъ дѣлаетъ прямо противорѣчащій темѣ. Примѣръ долженъ доказывать, что „опытъ есть источникъ знанія“, а выводъ изъ него гласитъ, что слѣдуетъ „свысока смотрѣть на опытное знаніе, неизбежно впадающее въ ошибки“. Очень назидательна для читателей такая философія!...

Въ такомъ-же родѣ и остальные три примѣра,—съ тою только особенностью, что въ нихъ авторъ и не пытается даже дѣлать какіе-либо выводы, а просто только даетъ небольшія буквальные выписки изъ книгъ—Martineau „*La philosophie positive d' Auguste Comte*“ и Тимирязева „Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе“, да дѣлаетъ довольно безсвязное резюме эволюціонной теоріи Спенсера (стр. 570—573). Каждая изъ этихъ выдержекъ предваряется ничего, въ сущности, не говорящимъ замѣчаніемъ, въ родѣ: „еще болѣе внушающею является позитивная философія огюста Конта“, или—„не менѣе значительное вліяніе на характеръ знанія имѣютъ выводы, къ которымъ пришелъ Дарвинъ“, или—„заключимъ приводимые выше примѣры широкимъ воззрѣніемъ Герберта Спенсера“. Что именно „внушаетъ“ философія Конта, какое именно „вліяніе на характеръ знанія“ имѣетъ Дарвинъ и, наконецъ, зачѣмъ понадобилось излагать „широкое воззрѣніе“ Спенсера,—обо всемъ этомъ авторъ не говоритъ ни слова; да пожалуй, и хорошо дѣлаетъ, а то опять вышель-бы курьезъ, какъ съ Кантомъ.

Приведенными примѣрами оканчивается первая часть

статьи. Что-же вынесетъ, изъ всего этого читатель?—Думается, что ничего не вынесетъ, кромѣ двойного тяжелаго недоумѣнія. Во-первыхъ, онъ никакъ не сможетъ понять, что-же собственно хотѣлъ сказать ему авторъ, о какомъ такомъ необыкновенномъ опытѣ онъ толкуетъ, какъ онъ понимаетъ знаніе,—если относить къ нему даже суевѣрія игровыхъ,—зачѣмъ, наконецъ, онъ подобралъ такіе вздорные и ничего не говорящіе примѣры... Читатель несомнѣнно пожалѣетъ времени потраченнаго на такое обидное для его здраваго смысла чтеніе. Во-вторыхъ, онъ тоже едва-ли пойметъ, зачѣмъ „Вѣстникъ Европы“ помѣщаетъ такіа статьи...

Вторая часть статьи кн. Тенишева (стр. 573 и слѣд.) начинается съ подведенія итога всѣмъ предшествующимъ примѣрамъ. И здѣсь дѣло естественно не обходится безъ странностей. „Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, говоритъ авторъ, видно, что вышеупомянутыя испытываемыя нами вліянія на насъ, являющіяся результатомъ опыта или внутренней переработки, производятъ въ насъ перемѣну и придаютъ намъ атрибуты, которые мы называемъ *знаніями*. Знанія отражаются на нашихъ поступкахъ; кромѣ того мы ихъ сообщаемъ другимъ“ (стр. 573). Помимо нѣкоторой наивности и неловкости стиля, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе странное опредѣленіе знанія, какъ „атрибутовъ, придаваемыхъ намъ испытываемыми нами вліяніями“. Прежде всего, очевидно, что терминъ „атрибутовъ“ авторъ употребляетъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой принятъ въ логикѣ и метафизикѣ; но съ этимъ-бы еще можно было какъ-нибудь примириться. Гораздо хуже то, что это опредѣленіе непомѣрно широко (*definitio latior definito*), и подъ него подойдут и многія другія явленія, кромѣ знанія. Мало-ли какіе „атрибутовъ“ могутъ быть результатомъ опыта и разныхъ испытываемыхъ нами вліяній и внушеній? Не составляютъ-же всѣ они знанія. Человѣкъ, основательно испытавшій вліяніе простуды, приобрѣтаетъ „атрибутовъ“ ревматизма, который не заключаетъ въ себѣ познавательныхъ элементовъ.. Къ сказанному авторъ зачѣмъ-то присоединяетъ еще замѣчаніе объ отличіи бодрственнаго состоянія отъ соннаго (*ibid*). Видимо, составленіе статьи опредѣлялось не логическимъ планомъ, а просто ассоціаціей представлений.

Далѣ авторъ старается опредѣлить свое отношеніе къ апріоризму и установить точныя задачи познанія. И здѣсь онъ не перестаетъ насъ удивлять на каждомъ шагу. Заявивъ, что „развитой человѣкъ пользуется обобщеніями, чтобы примѣнять ихъ въ частныхъ случаяхъ“, онъ не обинуясь утверждаетъ, что эта „внутренняя переработка воспринимаемаго происходитъ не по придуманнымъ (sic) учеными законамъ ума, а въ соотношеніи къ нашимъ потребностямъ“ (ibid). Значитъ, прочь всякую логику!—правъ суевѣрный картежникъ не позволяющій всякому сидѣть возлѣ себя! Это называется „пользоваться обобщеніями“... Впрочемъ, кое въ чемъ, по мнѣнію автора, имѣютъ значеніе „указанія философовъ на законы ума и апріорныя идеи“ (стр. 574). Мы готовы были бы уже поблагодарить кн. Тенишева за эту дозу снисходительнаго отношенія къ философіи; но слова благодарности замираютъ у насъ на устахъ, при чтеніи тѣхъ безусловно комичныхъ примѣровъ, какими онъ поясняетъ свою мысль. Оказывается, что „законы ума и апріорныя идеи“ имѣютъ свои законныя права только въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстнаго рода знанія „являются своего рода потребностями, выполненіе которыхъ въ сферѣ общественной жизни, при извѣстныхъ условіяхъ, такъ-же необходимо, какъ и выполненіе другихъ потребностей. Такъ нельзя не умѣть считать, не знать о Петрѣ Великомъ, о томъ, что Волга впадаетъ въ Каспійское море, о разныхъ идеяхъ внушаемыхъ писателями и т. д.“ (ibid). Думаемъ, что очень немного найдется людей, которымъ бы слѣдовало разъяснять, что во всѣхъ этихъ знаніяхъ нѣтъ ничего философскаго и апріорнаго. Волга впадаетъ въ Каспійское море не по какимъ-либо законамъ ума или апріорнымъ идеямъ, а въ силу географическихъ и геологическихъ условій поверхности русской равнины. Въ біографіи Петра Великаго тоже не реализованы какія-либо апріорныя идеи. И вообще всѣ эти знанія менѣе всего связаны съ философскою гносеологіей.

Что касается задачъ познанія, то авторъ различаетъ процессъ познанія, „характеризующійся сомнѣніемъ“, и „установившееся, неизмѣнно практикуемое знаніе“. Последнее онъ называетъ „ходячими истинами“ (ibid.). Такъ какъ „въ каждомъ кругу лицъ, или въ цѣломъ обществѣ, преобла-

даютъ ходячія истины и закономѣрныя (?) сопоставленія причины съ ея слѣдствіемъ“, которыя нерѣдко не признаются въ другомъ кругу,¹⁾ то „для цѣлей своего изслѣдованія“ авторъ считаетъ особенно важнымъ — „привести ходячія истины и закономѣрныя соотношенія извѣстныхъ причинъ съ ихъ слѣдствіями, господствующія въ описываемой средѣ“ (стр. 575). Для читателя здѣсь остается только неяснымъ, какую „среду“ имѣетъ въ виду авторъ подъ именемъ „описываемой“. Ни предыдущее, ни послѣдующее изложеніе не даютъ основаній догадываться объ этомъ. Скорѣе даже напротивъ,—авторъ отказывается считаться съ знаніями какой-либо опредѣленной среды: „оставляя въ сторонѣ, говоритъ онъ, тѣ свѣдѣнія, которыя имѣютъ чисто личный или мѣстный характеръ, мы будемъ говорить о знаніяхъ, систематизированныхъ и комментированныхъ (?), составляющихъ *общее достояніе*“ (ibid. Курсивъ нашъ). Не угодно-ли понять его при этихъ условіяхъ?

Послѣ этого авторъ переходитъ, какъ онъ говоритъ, „къ выясненію болѣе общихъ вопросовъ о научныхъ знаніяхъ, объ ихъ *достоверности*, методахъ пріобрѣтенія и классификаціи“ (ibid). Не касаясь формулировки задачи, которая, по обыкновенію, не точна и не ясна, посмотримъ, какъ авторъ разрѣшаетъ самую задачу.

Прежде всего здѣсь авторъ изрекаетъ нѣсколько довольно удивительныхъ вещей о наукѣ вообще, утверждая, на примѣръ, что „наука консервативна (?), она почитаема всѣми и охраняема цѣлымъ штатомъ, интересы котораго состоятъ въ томъ, чтобы авторитетъ науки не шатался вторженіемъ новыхъ вѣяній“ (?) и т. п.;—откуда авторъ взялъ всѣ эти небылицы, мы рѣшительно не понимаемъ.

Затѣмъ кн. Тенишевъ переходитъ къ самому вопросу о *достоверности* знанія. Здѣсь онъ сначала даетъ историческую справку относительно скептическихъ возраженій противъ этой *достоверности*. При этомъ мнѣнія древнихъ скептиковъ приводитъ опять по Льюису (стр. 576), какъ и раньше ученіе Канта. Воздержавшись отъ собственныхъ комментариевъ, авторъ благополучно не сказалъ при этомъ изложе-

1) Въ примѣръ авторъ приводитъ спиритовъ и антиспиритовъ, аллопатовъ и гомеопатовъ.

ни никакой несообразности. Но вотъ онъ послѣ того приводитъ ученіе Декарта объ очевидности, какъ критеріѣ, и пытается оцѣнить его:—немедленно-же мы опять встрѣчаемся съ довольно страшными сужденіями. „Декартъ, говоритъ авторъ, конечно, былъ правъ, какъ математикъ, когда рѣчь шла о системѣ чиселъ и *подстроенныхъ съ ихъ образами выкладкахъ* (?) ¹⁾. Но какъ только мы выходимъ изъ узкой сферы нашихъ построеній, гдѣ символамъ условно придается особенное значеніе, такъ очевидность и отсутствіе сомнѣній оказываются недостаточными и не могутъ быть основаніемъ непреложной достовѣрности“ (стр. 576 — 577). Помимо крайней смутности въ пониманіи сущности математическаго изслѣдованія, въ приведенной выдержкѣ обращаетъ на себя вниманіе искаженіе Декартовой мысли: Декартъ говорилъ о такой очевидности, при которой никакое сомнѣніе *невозможно*, а кн. Тенишевъ упоминаетъ о простомъ *отсутствіи* сомнѣній. Здѣсь есть весьма существенная разница: чтобы убѣдиться въ невозможности сомнѣнія, надо сдѣлать рядъ разностороннихъ попытокъ усумниться. При этомъ Декартовскій критерій окажется ужъ далеко не столь ненадежнымъ. Упомянувъ далѣе о Шотландской философіи здраваго смысла и указавъ на ея недостаточность (стр. 577), авторъ приходитъ къ выводу: „Итакъ, скептики оказываются, какъ будто, правы. Да и нынѣ можно слышать отзывы о несостоятельности науки“ (ibid). Нельзя не отмѣтить нѣкоторой поспѣшности такого вывода: коротенькая справка изъ вторыхъ рукъ о древнихъ скептикахъ, нѣсколько неясныхъ и не обоснованныхъ критическихъ замѣчаній о Декартовомъ критеріѣ, да голословное упоминаніе о недостаточности здраваго смысла Шотландцевъ — какъ будто этого черезчуръ мало для такого рѣшительнаго вывода. Правда, авторъ и самъ съ этимъ выводомъ не согласенъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи пытается его опровергнуть; но мы думаемъ, что и опровергаемый тезисъ должно раскрыть со стороны его наиболѣе серьезныхъ притязаній на истину, дабы не казалось, что преодолѣваешь не существующія препятствія.

1) Курсивъ нашъ. Подчеркнутую часть фразы мы рѣшительно отказываемся понять.

Главное возраженіе противъ скептицизма кн. Тенишевъ находитъ въ указаніи на фактъ развитія естествознанія начиная съ 17-го столѣтія. Фактъ этотъ онъ узналъ изъ „Исторіи философіи“ Виндельбанда (въ русскомъ переводѣ Рудина), котораго онъ называетъ *Виндельбандтомъ* и съ торжествомъ цитируетъ (стр. 577). Немного не кстаті факты по исторіи развитія естествознанія черпать изъ курса исторіи философіи: но это была бы еще не велика бѣда, если-бы авторъ сумѣлъ воспользоваться приведеннымъ фактомъ. А послѣдняго-то именно и нѣтъ. Приведа выписку изъ Виндельбанда о вліяніи естественно-научныхъ успѣховъ на философію (стр. 577—578), онъ говоритъ: „Прозорливымъ людямъ становилось все яснѣе, что нельзя болѣе удержаться на словопреніяхъ метафизиковъ, утверждавшихъ, что созерцательный разумъ, независимый отъ опыта, абсолютно и окончательно гарантируетъ все, что онъ выводитъ изъ себя. Пришлось, напротивъ, признать преобладающее значеніе фактическихъ данныхъ, посредствомъ наблюденій и искусственныхъ опытовъ“ (стр. 578). Авторъ говоритъ о какихъ-то „словопреніяхъ“, т. е. *спорасъ* метафизиковъ, и при этомъ оказывается, что спорящія стороны утверждали *одно и то же*... Авторъ говоритъ еще о какомъ-то „преобладающемъ значеніи“ (для чего?) фактическихъ данныхъ... Что изъ всего этого слѣдуетъ, трудно сказать. Одно несомнѣнно, что авторъ не знаетъ ни исторіи науки, ни исторіи философіи. Скептицизмъ съ развитіемъ наукъ отнюдь не ослабѣлъ, а напротивъ, въ самыхъ данныхъ положительной науки сталъ находить для себя новую нищу. Но кн. Тенишеву ни до чего этого нѣтъ дѣла. Онъ съ спокойствіемъ человека, взглянуvшаго въ двѣ-три популярныя книжки и убѣжденнаго, что этимъ путемъ онъ проникъ въ самую суть сложнаго научнаго вопроса, произноситъ рѣшительныя приговоры.

Итакъ скептицизмъ опровергнуть. Критерій достоверности найденъ—въ опытѣ. Сколь ни фантастиченъ путь, какимъ авторъ шелъ къ этому выводу, онъ наконецъ попалъ на свою тему! А то статья уже близится къ концу, и мы начинали терять всякую надежду, что узнаемъ что-либо объ „опытѣ, какъ источникѣ знанія“...

Установивши свой тезисъ, кн. Тенишевъ дѣлаетъ пѣ-

сколько замѣчаній о Беконѣ и Гоббесѣ, какъ предшественникахъ такого воззрѣнія (стр. 578—579). Ихъ мнѣнія приводятся, конечно, опять по Льюису... Послѣ этого онъ изображаетъ сравнительное современное положеніе метафизики и опытныхъ наукъ. Любопытно при этомъ, что въ упрекъ философіи онъ ставитъ непригодность для практической жизни ея выводовъ и, повидимому, малую доходность философской профессіи;—по крайней мѣрѣ, мы затрудняемся иначе понять выраженіе,—что выходящіе изъ нѣмецкихъ университетовъ „доктора философіи принуждены отыскивать болѣе пригодную для жизни специальность“ (стр. 579). Вотъ это значитъ смотрѣть на вещи безъ предразсудковъ и оцѣнивать ихъ по существу!...

Отъ критерія достовѣрности авторъ переходитъ къ *методу* опытныхъ наукъ. Правильное пониманіе научнаго метода онъ связываетъ съ именемъ Огюста Конта и его позитивизмомъ (стр. 579—580). Самое-же существенное въ этомъ методѣ онъ видитъ въ „производствѣ искусственныхъ опытовъ“, описанію котораго и посвящаетъ три страницы (580 — 582). Здѣсь авторъ даетъ нѣкоторый отдыхъ читателю и не угощаетъ его никакими особенными несообразностями; — очевидно, онъ въ данномъ случаѣ довольно близко воспроизводитъ какое-либо свое пособіе, котораго только почему-то на этотъ разъ не цитируетъ. Впрочемъ, кромѣ общезвѣстныхъ вещей и примѣровъ онъ здѣсь ничего и не сообщаетъ.

Вопросъ объ опытѣ, какъ источникѣ знанія, кн. Тенишевъ этимъ и заканчиваетъ. Остальныя двѣ страницы (пол. 582—пол. 584) посвящены уже классификаціи наукъ. Что-же дала читателю по главному вопросу вторая часть очерка?— Не многимъ больше, чѣмъ первая. Странное опредѣленіе знанія, вздорное разсужденіе объ апіоризмѣ, совершенно невразумительное истолкованіе сущности науки, плохая и компилятивная оцѣнка скептицизма, голословное провозглашеніе эмпиризма—таковы ея отрицательныя стороны: только разсужденія объ экспериментѣ слегка сглаживаютъ это отрицательное впечатлѣніе. Кромѣ того, въ этой именно половинѣ статьи съ особенной яркостью выступаетъ немовѣрная скудость научнаго багажа кн. Тенишева: популярная книга Льюиса да книга Виндельбанда въ плохомъ русскомъ

переводъ ¹⁾—вотъ два столпа научно-философскаго міровоззрѣнія кн. Тенишева. Какихъ-либо другихъ вліяній здѣсь почти не замѣтно. И вообще, самая литературная манера крайне напоминаетъ первые, можно сказать, учебные опыты человѣка, только что начинающаго размышлять надъ философскими вопросами; — поэтому - то мы и назвали очеркъ кн. Тенишева философическими „упражненіями“. По объему научныхъ свѣдѣній и по характеру пособій настоящей очеркъ сильно напомнилъ намъ сочиненія нашихъ семинаристовъ по философіи; но и здѣсь мы должны прибавить, что хорошій ученикъ семинаріи въ сочиненіи на данную тему, во всякомъ случаѣ, обнаружилъ-бы несравненно больше логической послѣдовательности, пониманія вопроса и точности языка.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о „новѣйшей классификаціи наукъ“ кн. Тенишева, оповѣщенной въ заглавіи очерка. *Никакой такой классификаціи онъ не даетъ*, а ограничивается только краткимъ пересказомъ на 2 страницахъ классификаціи О. Конта (повидимому по цитированной уже раньше книгѣ Martineau) и Спенсера (по переводу Спиридонова), да ставитъ нѣсколько вопросовъ, оставаемыхъ, впрочемъ, безъ отвѣта,—о томъ, какія знанія болѣе нужны для практической жизни (стр. 582—584). Зачѣмъ-же было возбуждать въ читателѣ напрасныя ожиданія, обѣщая ему какую-то „новѣйшую классификацію“? Конта то съ Спенсеромъ вѣдь и такъ всякій образованный человѣкъ знаетъ лучше и больше, чѣмъ о нихъ сообщаетъ авторъ. Кромѣ того, совершенно не ясна для насъ связь вопроса о классификаціи наукъ съ трактатомъ объ опытѣ, какъ источникѣ знанія. Самъ авторъ устанавливаетъ эту связь въ такихъ словахъ: „проникаетъ-ли въ описываемую среду классификація наукъ, выработанная преобладающею въ настоящее время философіею“ (стр. 582)? Но самый этотъ вопросъ возбуждаетъ только недоумѣніе и еще разъ показываетъ крайне слабое знакомство автора съ исторіей философіи. Какую „среду“ авторъ „описываетъ“, мы не знаемъ, да думаемъ и самъ онъ затруднился-бы сказать. Что это за „преобладаю-

¹⁾ Нашъ отзывъ объ этомъ переводѣ см. въ „Богосл. Вѣстн.“ 1895 г. № 5.

щая въ настоящее время философія“,—тоже трудно сказать. Судя по послѣдующему, надо думать, что авторъ имѣеть въ виду философіи Конта и Спенсера; но съ какой-же стати онъ называетъ ихъ „преобладающими“? Почему, напр., классификація и философія Вундта не удостоились этой чести? Что значитъ, далѣе, самый вопросъ „проникаетъ-ли въ эту среду etc“? Прежде всего мы совершенно отказываемся понять, какимъ образомъ классификація наукъ можетъ „проникать въ среду“ приемовъ научнаго эксперимента. Затѣмъ, „проникаетъ“-ли она сюда, или не „проникаетъ“, — не безразлично-ли это для вопроса объ опытѣ, какъ источникѣ знанія? Остается только предположить, что авторъ въ выборѣ матеріала для своего очерка руководился не соображеніями о логическомъ составѣ вопроса, затронутого темой, а скорѣе, пожалуй, русскою пословицей: „что есть въ печи, то на столѣ мечи“. Къ счастью, „въ печи“ кн. Тенишева оказалось сравнительно не очень много предметовъ. А то-бы его очеркъ угрожалъ разростись до размѣровъ солидной диссертациі „De omnibus rebus et quibusdam aliis“...

Стыдно „Вѣстнику Европы“ давать своимъ читателямъ такую умственную пищу!

П. Тихомировъ.
